

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Куделко С. М. История повседневности в контексте исторического краеведения // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920 – 1950-е годы) / Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 144 – 150.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

История повседневности — относительно новая для нас область исторических исследований, которая лишь в самое последнее время получила распространение в украинской историографии. Причём не только в среде профессиональных историков, но и среди любителей-непрофессионалов. Краеведы время от времени бросают вызов профессиональным исследователям, упрекая их в консерватизме. Вместе с тем нельзя не отметить, что между историей повседневности и традиционно хорошо развитым в Украине историческим краеведением имеется некое совместное поле исследований.

В силу ряда конкретно-исторических обстоятельств, повлиявших на украинскую историографию, многие стороны исторического развития Украины были тщательно изучены большой группой ученых XIX — XX столетия с этнографической и краеведческой точек зрения. Некоторые из этих учёных были в своё время обвинены в бытописательстве, «мелкотемье» и других «грехах» с точки зрения генерализированной истории. Бросали им и более существенные обвинения в идеализации патриархальщины, увлечении фактографизмом. Показательны в этом отношении упреки, адресованные таким исследователям, как Д. И. Яворницкий, Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов и др.

Современное украинское историческое краеведение (как и всякое другое) тяготеет к индивидуализирующей истории. В объекте своего исследования оно противопоставляется обобщающей истории (истории государства, истории этноса и т. п.). Однако в наше время историческое краеведение, под воздействием тектонических сдвигов в исторической науке, сближается с региональной историей, микроисторией, биографистикой, историей повседневности. Таким образом, современное истори-

ческое краеведение «вписывается» в контекст эпохи, когда, по давнему, но не устаревшему замечанию Б. Г. Могильницкого, «самая действительность вооружает историка современными исследовательскими приемами минувшего» [1].

От «скомпрометированной» структурной истории, которая не только была невнимательна к отдельному («единичному») лицу, но и не смогла, по убеждению многих, предсказать фундаментальные сдвиги в общественном развитии конца XX столетия, в нашей науке всё чаще происходит поворот к анализу субъективного в истории. В какой мере нынешнее положение исторической науки затронуло краеведение? По мнению Л. Н. Хмылёва, «...в системе исторического познания есть несколько основных элементов или уровней: частные исследования, концептуальный тип познания, историческая теория, методология истории. В данное время доминирующий тип научных работ – частные исследования. Обобщающие же исследования стали редкостью, одновременно затормозилась так и не набравшая силу разработка теоретико-методологических проблем. В этом и состоит основная диспропорция в структуре исторической науки» [2]. Очевидно, что краеведческие исследования относятся к частным, а засилье последних рассматривается указанным автором (и не только им одним) как одно из проявлений кризиса. Но это, так сказать, внешняя сторона проблемы.

Историческое краеведение в определённом смысле противоположно обобщающей истории и даже отрицает её. Отрицает, как часть отрицает целое. Краеведение направлено на единичное, отдельное, конкретное, а обобщающая история – на целое, типичное, абстрактное. Методологическая установка обобщающей истории: «Пример не является доказательством», у краеведения обратная констатация: «Пример (факт) есть доказательство».

Разница между историком-краеведом и представителем обобщающей истории заключается не только в выборе объекта исследования, но и в отношении к технологиям постижения минувшего, методов и методик, приёмов научного поиска. Краевед-профессионал тяготеет к методам источниковедения (не

исторических по своей сути). Он не может обойтись без архивных материалов (а также равнозначных им музейных, добытых в полевых условиях, включая и приёмы устной истории, и тому подобных сведений).

Кризис марксистской парадигмы во второй половине 80 — 90-х годов XX столетия в СССР и на постсоветском (точнее сказать, постсоциалистическом) пространстве определил уход многих профессиональных историков в краеведение. С другой стороны, важные политические изменения, провозглашение Украиной независимости всколыхнули широкие круги ответственности, объединили под флагами краеведения десятки тысяч энтузиастов. Неофиты-краеведы собрали бесценные материалы, обогатили наши знания о прошлом тысячами новых фактов. Именно в этом их заслуга перед наукой и перед обществом. Нельзя отрицать, что один из источников современной истории Украины — краеведческие достижения последних 10 — 15 лет.

Впрочем, взлёт краеведения (как и всякое движение) имеет свою отрицательную сторону: в широко открытые двери архивов ринулись тысячи непрофессионалов, которые, хотя и отыскивали факты, не всегда могли дать им адекватную оценку, действовали бессистемно, часто руководствуясь личными пристрастиями, политическими или узкоиндивидуальными целями. Историкам-профессионалам потребуется немало времени, чтобы «переварить» все вновь добытые факты, дать им соответствующую интерпретацию и при этом отделить «зёрна от плевел». Очевидно, в ближайшей перспективе следует ожидать снижения числа краеведческих исследований при одновременном росте их профессионализма. Среди факторов, которые, по нашему мнению, будут «подпитывать» краеведение, — усиление региональной амбициозности, стремление иметь свои собственные, «параллельные» истории, которые будут конкурировать как между собой, так и с историей обобщающей, обслуживание местного патриотизма, углубление децентрализаторских тенденций, связанных со становлением гражданского общества, и др.

Как отмечалось, историческое краеведение сегодня в значительной мере приобретает антропологический характер и про-

тивнопоставляется ошутимо лишённой человеческого фактора обобщающей истории. Исторический факт в краеведении присутствует в своём непосредственном окружении, а в обобщающей истории — на фоне общеисторического контекста. Нарратив краеведа передаёт конкретный факт и ситуацию вокруг него, но он часто не в состоянии проследить те «исторические цепочки», которые (подобно биологическим цепочкам в процессе эволюции) соединяют между собой очень отдалённые одно от другого явления минувшей действительности. Обобщающая история, наоборот, элиминирует ближайшую периферию факта, она выходит из того, что факт должен «вписываться» в обобщающую схему (он будто бы имманентно ей присущий), служить её подтверждением и иллюстрацией, иметь подчинённое значение в сравнении с начертаниями, концепциями, теориями, которые носят объясняющий характер и нуждаются в факте лишь на этапе их построения, а после его завершения «милостиво» предоставляет факту возможность играть вспомогательную роль репрезентанта. Краеведы же сознают, что «... общее не может существовать самостоятельно ни в виде группы предметов, ни в какой-нибудь другой форме. Оно всегда есть стороной, моментом отдельного — отдельных предметов и их групп, классов» [3]. Таким образом, в глазах краеведа только факт стоит на основе реального, и это переполняет краеведа чувством гордости.

Историк повседневности видит те же факты, но в другом методологическом ракурсе. Для него получение результата исследования не дополнение или «гарнир» генерализированной истории (как у краеведа), а самодостаточная информация, имеющая ценность в рамках его дискурса. Историк повседневности интересуется своим объектом для того, чтобы понять человека в контексте его времени, а историк или краевед — чтобы понять время через творчество людей. Одних интересуют формации и структуры, других — ментальности и культурная история.

Краеведение пополняет обобщающую историю фактами, но для того, чтобы попасть в исторический нарратив, последние должны иметь такие качества, как яркость, высокоэмоциональная

экспрессивность, новизна и т. д., а, отнюдь, не типичность и характерность, что как раз и привлекает историка повседневности.

Диалектика взаимоотношений краеведения и обобщающей истории состоит в том, что чем больше для обобщающей истории однородных фактов добывает краеведение, тем меньшее значение каждый из них для неё имеет, так как «рейтинг» любого из таких фактов снижается. При накоплении определённой суммы фактов («критической массы») они привлекают внимание представителей обобщающей истории и становятся объектом разных процедур, связанных с созданием объясняющих схем. Путём специальных исторических методов из фактов выделяют логическую суть и она становится объектом соответствующих умозаключений. При этом существуют типичные ошибки: обобщается статистически недостоверное количество фактов, обобщаются факты, так сказать, на разном основании, происходит неверная экстраполяция их логической сути. Истории повседневности часто присущ обострённый интерес к лингве, потому что в словах, репликах, фразах, по мнению представителей индивидуализирующей истории, раскрывается содержание минувших событий, имплицитно с ними связанных. Представители обобщающей истории скептически относятся к таким возможностям («люди говорят одно, делают другое, а думают третье»); они больше доверяют законодательным актам, материалам статистики и тому подобным источникам. Отсюда понятен особый интерес историка повседневности к цели истории. Краеведы ищут в архивах факты, представители обобщающей истории заняты их анализом и синтезом, переработкой известных фактов в соответствии с современными доктринами. Здесь работа краеведа выступает как стадийно предшествующая созданию обобщающей истории, первой ступенью восхождения от единичного к особенному, общему и всеобщему. И «принципы, которые возникли как обобщение фактов эмпирического базиса, конечно, выполняют функцию исходных, основных начал теории. Они формулируются прежде закона теории, можно сказать, что в определенном плане определяют форму теории, характер связей, их компонентов, которые складываются» [4].

Между краеведами и представителями обобщающей истории существует определённая отгороженность и в форме исторического нарратива. В своих работах краеведы тяготеют к повседневному языку, а их экспликации апеллируют к здравому смыслу. Их оппоненты отдают предпочтение языку современной науки. Однако успехи региональной истории, истории повседневности, микроистории влияют на отечественное краеведение, и оно так же, как и вся историческая наука, быстро изменяет свой абрис. Происходит переоснащение научного инструментария краеведения (а это, в свою очередь, приводит к размыванию традиционных представлений о нём).

Разворачиваясь к современным направлениям исторической науки, историческое краеведение открывает для себя новое поле исследования, обработка которого обещает новый исторический синтез, новые горизонты понимания прошлого и настоящего. Это позволяет обновить и прогностическую функцию науки. Такой синтез помогает также преодолеть девальвацию «теоретической истории» в глазах общественности, а историознание получает более высокий социальный статус как внутри научного сообщества, так и в социуме в целом.

Однако очевидно, что этот довольно масштабный процесс не всегда дополняется осознанием его связи с общими тенденциями в развитии исторической науки. Понимание единства и, одновременно, специфичности задач, на наш взгляд, позволит краеведению подняться на новую ступень профессионализма.

Историческое краеведение как общественное движение сохранится в будущем, но как научная дисциплина через дальнейшую профессионализацию сомкнётся с микроисторией, историей повседневности и подобными направлениями.

Литература

1. Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. — Томск, 1969. — С. 4.

2. Хмылёв Л. Н. Структурный кризис исторической науки // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 25. – Томск, 1999. – С. 70.

3. Шептулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего. – М., 1973. – С. 121.

4. Диалектика принципов и законов в структуре научной теории. – Ташкент, 1979. – С. 57.

В. В. Лантух
(Харьков, Украина)

КУЛЬТУРА ГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛИ В УКРАИНЕ В 1920-е годы

Именно с разрешения торговли, когда существовали государственный, кооперативный и частный её виды, в условиях провозглашенной правящей большевистской партией новой экономической политики, и началось её «настоящее оформление» в стране. Эта политика дала очень весомые результаты.

К сожалению, проблема качества обслуживания и организации торгового дела в Украине в годы нэпа, то есть того, что является культурой торговли, не получила надлежащего освещения в научной литературе. Поэтому указанные вопросы, которые исследовались на основании анализа документального материала, и были в центре внимания автора данной статьи.

С возникновением кооперативной торговли одной из её «вечных» проблем была проблема качества обслуживания. Причины «слабого» обслуживания кооперацией потребителя в начале её становления Наркомат РКИ УССР усматривал только в недостатках ассортимента товаров и в ценах на товары кооперативной торговли, которые, обыкновенно, были выше цен на местном рынке [1]. Роли продавца, культуре обслуживания, оформлению магазина вначале вообще не уделялось внимания. В марте 1924 года ВУКС разослал циркуляр всем потребительским обществам республики, где впервые был поставлен вопрос